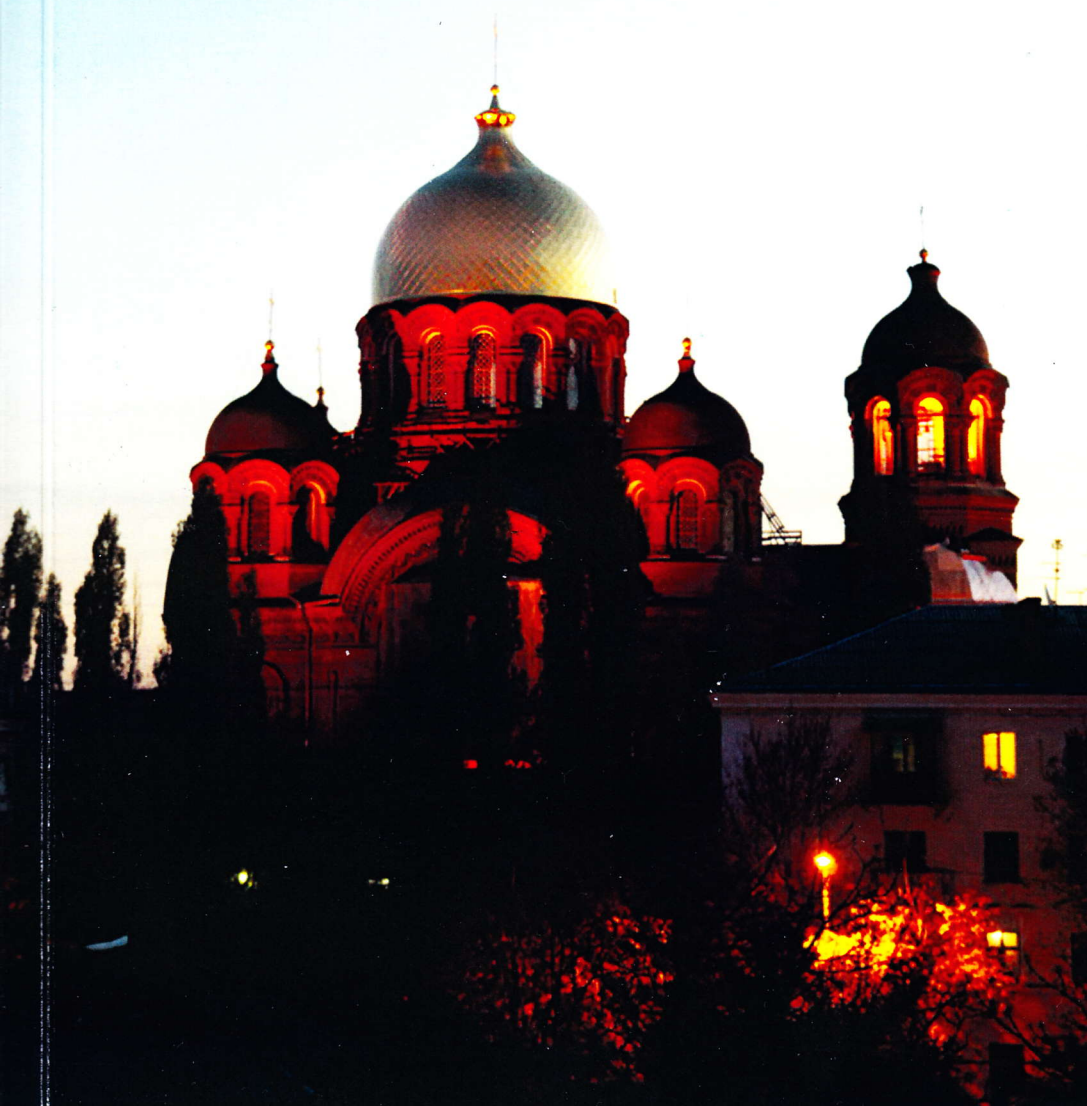

Православие и наука в XXI веке

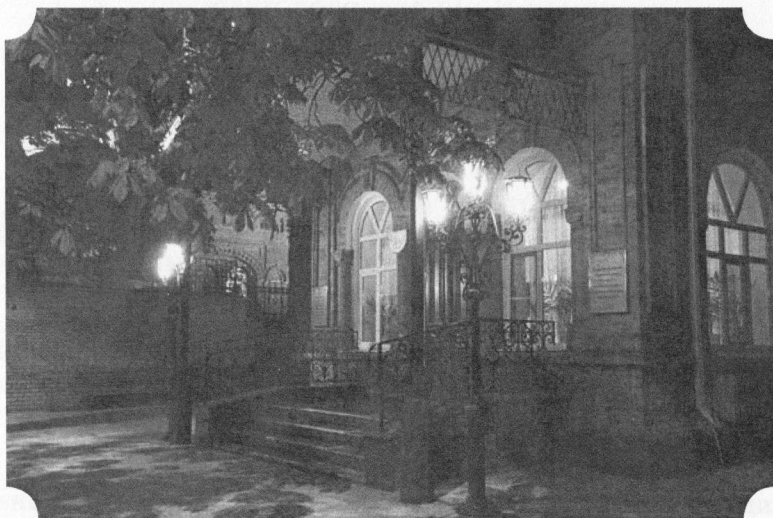
Материалы X Всекубанских Екатерининских чтений

Екатеринодарская духовная семинария
ККНПОО «За веру, Кубань и Отечество»

ПРАВОСЛАВИЕ И НАУКА В XXI ВЕКЕ

МАТЕРИАЛЫ К ВСЕКУБАНСКИХ ЕКАТЕРИНИНСКИХ ЧТЕНИЙ

Краснодар
Традиция
2017

УДК 281.9+001
ББК 86.372+72
П 68

Научный редактор –
доктор филологических наук М. А. Шахбазян

П 68 Православие и наука в XXI веке: Материалы X Всекубанских Екатерининских чтений /
 ККНПОО «За веру, Кубань и Отечество», Екатеринодарская духовная семинария. –
 Краснодар: издательство «Традиция», 2017. – 114 с.

ISBN 978-5-91883-280-6

УДК 281.9+001
ББК 86.372+72

ISBN 978-5-91883-280-6

© Издательство «Традиция»,
оформление, 2017

могло бы привести и к трансформации ритуала. Проблема «имябожничества» была даже вынесена в круг вопросов Поместного собора Православной российской церкви (1917–1918). А инициировала эти изменения русская религиозно-философская публицистика, в которой происходила теоретизация религиозной трансформации коммуникативного пространства.

*Т. А. Хагуров,
доктор социологических наук,
профессор Кубанского государственного университета*

*А. А. Остапенко,
доктор педагогических наук,
профессор Кубанского государственного университета,
профессор Екатеринодарской духовной семинарии*

ЧТО МОГУТ СДЕЛАТЬ УЧИТЕЛЯ ИСТОРИИ, ЛИТЕРАТУРЫ И РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ МОЛОДЁЖИ К ТРАДИЦИОННЫМ ЦЕННОСТЯМ?²

Россия всегда была интересна миру только тогда, когда она предлагала своё непохожее *вселенское, всеединое, соборное, общее Дело и мировоззрение*, на которых и выстраивала свою воспитательную стратегию, основанную на *мессианстве, жертвенности и справедливости*. А затем предлагала её миру. Тогда она была мировым лидером. Как только она занимала подражательную позицию, она становилась скучным аутсайдером. В докладе на 20-м Всемирном русском народном соборе Святейший Патриарх заметил, что «следует помнить и о том, что слепое перенесение на русскую почву чуждых мировоззренческих моделей и политических образцов, без учёта национальной специфики и духовно-культурного контекста, нередко, а лучше сказать, почти всегда приводило к масштабным потрясениям и трагедиям, как это случилось в нашей стране в начале и в конце минувшего столетия»³.

² Подготовлено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект РНФ № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в полиэтничном регионе: прогнозирование и профилактика».

³ Кирилл, патриарх. Россия и Запад: диалог народов в поисках ответов на цивилизационные вызовы. Доклад на 20-м Всемирном русском народном соборе // <http://www.patriarchia.ru/db/text/4656175.html>

Названная воспитательная стратегия осуществлялась, в первую очередь, через преподавание таких школьных предметов, как история, литература и русский язык. Но в последние десятилетия вся страна, и школа в особенности, пережила колоссальную идеологическую войну с историей, литературой и языком. Для современной России серьёзное осмысление проблем истории, литературы и языка в полном смысле вопрос национальной безопасности, вопрос более важный, нежели вопросы укрепления экономики и силовых структур. Ниже мы постараемся привести некоторые аргументы в защиту этой точки зрения.

Война с историей

Для чего нам нужна история? Классический и самый полный ответ на этот вопрос дали два великих мастера слова – Цицерон и А. С. Пушкин. Первый сформулировал кредо исторической прагматики: «История – учительница жизни». Человек, не знающий истории, обречён повторять ошибки прошлых поколений. Второй раскрыл основы исторической метафизики.

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
(На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его).*

Пушкинское «самостоянье» в терминах политической и социальной теории переводится как «субъектность» – т. е. способность *сохранять себя* (своё «Я», свои корни, свои ценности) в жизни и действии. Человек, не знающий истории, легко теряет субъектность, свои корни, своё «Я».

Сегодня на примере братской страдающей Украины мы наглядно видим, к чему может привести неверно понятая и неверно интерпретированная история: она становится тараном, разрушающим общество и государство (прежде всего, в лице *молодёжи*, воспитанной на исторических мифах). Молодёжи, повторяющей ошибки и утратившей субъектность. Разумеется, за спинами наивно-озверевшей молодёжи, бросающей «коктейли Молотова» во имя «восстановления

исторической справедливости», всегда стоят совсем другие люди – взрослые, умные, холодные и злые. Но о них разговор особый, требующий другой аналитики и другого формата обсуждения.

Сейчас же нам хотелось бы поговорить скорее об ошибках понимания истории, нежели о злом умысле. *Проблемы истории тесно связаны с проблемами языка и литературы*, и в жизни – ещё сильнее, чем в школьной программе. Об этих проблемах тоже необходимо будет сказать несколько слов.

Начнём с нескольких принципиальных вопросов.

Вопрос **первый**: с каких позиций, в каком ключе и, главное, для чего вообще нужно вспоминать исторические события *нашего* прошлого сегодня? Ключевое слово в этом вопросе – «нашего», точнее *нашего общего* прошлого. Это замечание выводит нас на ещё более общий и более глубокий вопрос: а что вообще создаёт из разных этносов с их собственной историей и культурой единый великий имперский народ? Народ, способный из разрушенной вдреизг страны построить за два десятка лет великую индустриальную супердержаву. Способный выигрывать мировые войны и (единственный!) останавливать коричневую изуверскую чуму фашизма. Способный в кратчайшие сроки после страшной войны, унёсшей миллионы жизней и разрушившей страну, построить лучшие в мире образование и науку, послать человека в космос, выиграть ядерную гонку не на жизнь, а на смерть с самой мощной экономикой мира, ничуть не пострадавшей в войне. Что создаёт такие народы?

Ответ прост. Любой народ вообще, а имперский, объединяющий в себе много этносов и культур, в особенности, создают, прежде всего, две важнейшие скрепы: общий *язык* и общую *историю*. Это историософская аксиома. И когда исторические соперники народа пытаются его уничтожить (принизить, поработить и т. п.), они всегда ведут *главную* войну не против солдат и пушек, но против языка и истории. В этой войне выигрывают и побеждают не солдаты и генералы, а учителя истории и литературы, а также министры образования. Начнём с истории.

Начнём с того, что История сама по себе – всегда вещь сложная и неоднозначная. Исторический процесс в каждый свой момент преисполнен великого и смешного, высокого и низкого, прозрений и заблуждений, предательства и героизма как отдельных людей, так и целых наций и государств.

Проще говоря, в шкафах истории любой страны таится множество как «скелетов», так и «жемчужин». Учитывая это, во всех без исключения странах, претендующих хоть на какую-то политико-историческую самостоятельность, существуют *две версии истории* – публичная и архивная. Первая преподаётся в школах и широко представлена в публичном пространстве, вторая – объект интереса профессиональных историков. Вторая в публичное пространство почти никогда не попадает. Цель истории публичной (школьной) – научить, прежде всего, будущих граждан гордиться своей страной, ценить «жемчужины». Это формирует единую историческую память (ту самую «любовь к отеческим гробам»), объединяющую разных людей и разные национальности в единый народ. Это не значит, что школьная история не должна вообще упоминать о «скелетах» – исторических трагедиях и ошибках. Она это делает, но делает всегда очень деликатно, по-особому расставляя акценты. Например, в английских школах, когда вспоминают королеву Елизавету, современницу Иоанна Грозного, акцентируют внимание не на политике огораживаний (имевшей, по правде, форму социального геноцида) и не на поощрении государственного пиратства (самый известный пример чему – Ф. Дрейк), а на геополитических успехах королевы, её роли как строительницы мирового могущества Великобритании. Аналогичным образом, вспоминая итоги британской колонизации, английские школьные учебники акцент делают на просветительской «миссии белого человека», воспетой Р. Кипплингом, а не на фактах беззастенчивого грабежа и угнетения колоний. Точно так же в американских школьных учебниках, говоря о XIX веке, вспоминают войну Севера и Юга как войну за независимость рабов (не акцентируя внимания на экономико-политической подноготной этой сложной и трагичной войны) и почти ничего не говорят о геноциде индейцев, принявшем в этом веке поистине массовые формы, приведшем почти к полному уничтожению коренного населения. Исследования «скелетов» – удел истории архивной, очень редко выходящей в публичное пространство, что чаще всего сопровождается скандалами и общественным резонансом.

Трагедия России заключается в том, что наша страна – единственная в новейшей истории, которая пережила беспрецедентную по масштабу и накалённости *войну с собственной историей*, развязанную во второй половине 1980-х – первой

половине 1990-х гг. Обсуждение субъектов и режиссёров этой войны уведёт нас далеко в сторону, поэтому остановимся на главном – её сути. Суть этой войны, говоря образно, заключалась в широкомасштабной кампании по вытаскиванию из исторических шкафов «скелетов» и сокрытию «жемчужин». Причём «скелеты» вытаскивались не только собственные, действительно лежавшие в «шкафах», но и заботливо подброшенные туда западными «доброжелателями» или «подкрашенные» собственным истерически-интеллигентским диссидентским сообществом. Все сложные и противоречивые, трагичные и неоднозначные моменты истории (в первую очередь – советской) трактовались в обвинительном и обличительном духе. Но ведь на разрушении Священных Камней СССР дело не закончилось. Начав с обличения «исторических преступлений» И.В. Сталина и Л.П. Берии, перешли к глумлению над народными героями – Зоей Космодемьянской, Александром Матросовым, Алексеем Стахановым и т.д. Добрались потом и до российской истории вообще. Пока одни обсуждали вопрос о канонизации царской семьи, другие, вождельно подхихикивая, обсуждали (публично!) «интригу» императрицы с Распутиным. Потом в поле такого же, низко-подхихикивающего и истерично-злобного обсуждения оказывались и Екатерина II, и Иоанн Грозный, и другие персонажи российской истории. Потом в новодворско-старовойтовском духе оказалась проблематизирована *русская история вообще*. Вдруг оказалось, что мы как великий имперский народ, подаривший человечеству величайшие сокровища культуры (чего только стоят русская живопись, русская музыка, русский балет, во главе с великой русской литературой, русская наука и инженерия), народ, жертвенно остановивший фашизм, – это какие-то исторические выродки, заслуживающие лишь одного – учиться у «цивилизованного» (западного) мира. В результате этой войны с историей у всего великого русского народа (как в его целом, так и в отдельных национальностях) сформировались и проявились все симптомы *культурно-исторической шизофрении*. Сгущаем краски? Но откуда тогда взялась страшная, глупая и пошлая фраза, гулявшая по нашей стране в 1990-е? Фраза, пугающая своей низостью и скотством, фраза, которую почти невозможно было бы представить в стране, положившей на алтарь Победы миллионы жизней, если бы её действительно не произносили тогда часто. Фраза «Да лучше бы нас в 1945 году

немцы завоевали: мы бы сейчас все баночное пиво пили!» Её повторяли часто и многократно, причём не с экранов телевизоров, а в транспорте и на кухнях. Произошло самое страшное, что могло произойти. Народ, утративший благоговение к «отеческим гробам», начал на этих гробах плясать. Плясать безумно и жалко, на радость своим историческим и геополитическим противникам.

При этом как-то из публичной истории ушло понимание того, что эти противники всегда существовали и продолжают существовать. Что Россия всегда с трудом, преодолевая их яростное сопротивление, несла свою весть миру. Что война с Россией велась всегда и на фронте собственно военном, и на фронте гуманитарном. Что с этими (вполне реальными, а не вымышленными!) противниками очень по-разному, но в одном ключе боролись русские государи, полководцы, общественные деятели и святые: и благоверные Александр Невский и Дмитрий Донской и преподобный Сергей Радонежский, и Иоанн Грозный, и старец Филофей, и Пётр I, и Екатерина II, и А.С. Пушкин, и Николай I, и С.С. Уваров, и Ф.М. Достоевский, и Максим Горький, и Н.А. Островский, и многие другие великие политики и гуманитарии Государства Российского. Вопрос «*Какую именно весть несла Россия миру, преодолевая сопротивление и нападки?*» требует отдельного серьёзного разговора. В самой же поверхностной и общей форме можно ответить на него так: русская весть миру всегда была *вестью о смысле и милосердии*, напоминанием о том, что «не хлебом единым жив человек» (Мф., 4, 4) и что не может человек быть счастлив, если ближнему плохо. Именно об этом буквально кричала вся русская классическая литература, к вопросу о роли которой мы ещё вернёмся.

Не имея возможности погружаться в дебри вопросов об исторических и современных политических противниках России, скажем лишь, что они всегда были и никуда не делись. Здесь сразу же определённая категория читателей задаст возмущённый вопрос: «О каких противниках идёт речь, опять эта риторика холодной войны, неужели вы не видите, что мир идёт к единой цивилизации, провозвестниками которой становятся глобальные рынки и глобальная культура? Давайте нормально жить, как все, и всё будет хорошо». К сожалению, это не просто не так, это совсем наоборот. Никакого единства в современном мире нет. В мире идёт острая борьба *за ресурсы* (что немаловажно) и *за смыслы* (что

главное!). Идёт грызня между глобальными мировыми центрами силы не просто за раздел сфер влияния, но за будущий миропорядок. Эти процессы имеют столько же общего с разговорами о «глобальных рынках», «единой цивилизации» и «мирном сосуществовании», сколько фашистская пропаганда об «освобождении народов России от коммунистического ига» имела с реальной практикой действий нацистов на территории СССР во время войны. Нельзя не понимать очевидного: иракский, ливийский, сирийский и украинский колокола звонят по нам.

Сегодня становится очевидным, что если мы хотим вернуться к корням, вновь обрести утраченное «самостоянье» как историческую идентичность, нам нужна *иная модель публичной (школьной) истории*. Модель с акцентом на общей истории Великой страны, истории, примиряющей киевский, московский, петербургский, советский и постсоветский периоды. Истории, основанной на бесценных жемчужинах, а не на «скелетах», истории, воспитывающей любящих и гордящихся своей страной граждан, а не цивилизационных вырожденков, страдающих комплексом исторической неполноценности. Именно об этом говорили в своих выступлениях в последние годы и наш Президент, и наш Патриарх.

Война с русской словесностью

Вторая важная скрепа, объединяющая нации, народности в один большой народ, – это, как уже говорилось, язык. Язык любого народа – в его литературе. Ввиду сложности и обширности этой темы скажем лишь самое главное. Людям, составляющим народ, важно не просто изъясняться так, чтобы понимать друг друга, им нужно нечто большее. Это большее – единство образов, метафор и выражаемых ими смыслов и ценностей, единство понимания сути и назначения человека и предельных вопросов человеческого бытия, единство примеров и героев, на которых можно воспитывать детей и объяснять им сложность и противоречивость жизни. Всё это даёт народу его литература, несущая и сохраняющая его язык – хранилище смыслов и образов. Для нашего великого народа таким хранилищем, безусловно, есть *язык Великой русской литературы*, представляющей собой одну из величайших (если не самую великую) вершин мирового литературного смыслотворчества. Однако

неправильно, как это иногда делается, сводить великую русскую¹ литературу к её «золотому веку» – уникальным по своей глубине и выразительности творениям Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, Чехова и других классиков. Это, вне всякого сомнения, ядро нашей литературы, но *вся* она намного шире. Величие русской литературы в том, что она смогла вобрать в себя гениальных представителей *всех* народов большой России и никогда не пыталась быть «этнически чистой». Наша великая литература всегда была интернациональной. Наиболее ярко это проявилось, конечно, в советский период. Наряду с Горьким, Шолоховым и Шукшиным в русскую литературу на равных вошли и пламенные кавказские рифмы Расула Гамзатова, и пронзительная проза Чингиза Айтматова, и сочная и реалистичная проза адыга Тембота Керашева, и украинца Павла Загребельного, и огромное количество других произведений этнически самых разных писателей, поэтов и драматургов. И в этом смысле русский язык, язык большой русской литературы – поистине язык интернациональный, вобравший в себя правду всех без исключения народов и этносов нашего общего дома – Государства Российского. Русский язык помог им выразить эту правду и мудрость.

Но нужно понимать и то, что русский язык, язык русской литературы тоже стал объектом войны. И последствия войны с языком нам нужно изживать не менее яростно, чем последствия войны с историей, если мы хотим сохраниться как целое, как народ, имеющий общие смыслы и ценности. Ведь именно язык – их хранитель.

Русский язык пережил в последние 20–25 лет как минимум *пять* (!) мощнейших и сокрушительных *интервенций*.

Первая из них – это *интервенция криминального сленга* (по-научному «арго», в просторечии – «феня»), захлестнувшего страну в конце 80-х – начале 90-х. На «фене» заговорили вдруг все – студенты и преподаватели, киногерои и ведущие телепрограмм, политики и философы. Слова «кинуть», «замочить», «забить стрелку», «беспредел», «лох» и т.д. и т.п. стали обыденной частью нашего языка. Это очень небезобидная вещь, связанная с проникновением в массовое сознание (вместе с языком) элементов криминальной психологии

и идеологии. Возникла мода на криминальную романтику, в значительной мере институализированная кинематографом и другими массмедиа. Соответственно не приходится удивляться кратному увеличению масштабов преступности в постсоветской России. Параллельно с распространением «фени» происходило интенсивное растабуирование мата, вдруг ставшего языком не только алкоголиков и бомжей, но и вполне приличных парней-студентов и миловидных девушек-школьниц.

Вместе с языком криминальной подворотни в нашу повседневность вошли несомые этим языком смыслы – «блатная» идеология – «понятия». Суть этой идеологии часто замыливается в сознании обывателя слезливо-мелодраматичным, нагло присвоившим себе высокое название «шансон», криминальным фольклором (типа «Голуби летят над нашей зоной»). Суть эта проста – это идеология социальных хищников, безжалостных к слабым, идеология превосходства «право имеющих» над «тварями дрожащими» (в криминальном варианте – «лохами»). Идеология эта проникла повсеместно: и в нормы ведения бизнеса, и в отношения с коллегами по работе, и подростковые компании, и даже – в отношения мужчин и женщин. «Развести» и «кинуть» – стали не просто экзотическими словами, а вполне реальными аспектами повседневных взаимоотношений соседей, коллег и однокурсников, а песня «Гоп-стоп» зазвучала со сцены Кремлёвского дворца.

Вторая травмирующая язык интервенция – это *интервенция англицизмов*, хлынувших в нашу повседневность вместе с перестройкой и «феней». «Маркетинг», «менеджмент», «контроллинг», «аутсорсинг», «логистика», «лизинг» и т.п. – стали словами-метками, отделяющими «продвинутых» от «отсталых». В школах тьюторов, аниматоров, модераторов, фасилитаторов и омбудсменов стало чуть ли не больше, чем учителей и воспитателей. Заимствуя и активно используя весь этот англоязычный бизнес-сленг, мы все признаём одно печальное обстоятельство – русский язык перестаёт быть языком современности. Им стал английский, причём в корябщем слух людей, получивших классическое инъязовское образование, варианте «American-English». Показательно, что на Первом съезде Общества русской словесности 16 мая 2016 года его председатель патриарх Кирилл

¹ В значении «The Russians», как называют в англоязычном мире *всех* выходцев из России.

задал вопрос: «Почему латинское слово «тенденция» заменили английским «тренд»? Показать образованность, что ли? Для меня это очень плохой признак».

Третья интервенция была, по-моему, хуже двух предыдущих. Речь идёт об *интернет-сленге*, буквально взорвавшем русский язык упрощениями, коверканиями и сокращениями как в письменной, так и в устной речи типа «Чел, кинь инфу!». Вот только некоторые примеры уродливого интернет-восхищения: «Наши рууууляяят форееевааааа!!!!!! Приве-е-ед, Пушистый! Откуда такой ко-о-ошерный аватар надыбал? Жжжжешшь смертельно!!! Ржжжжунемагу! Чуууумовой фильмец вчера видала!». И если лет десять-пятнадцать назад учителя охали по поводу того, что подростки перешли на междометия, то сегодня междометия заменены чем-то ещё более отвратительным.

Четвёртая интервенция связана с повсеместной *аббревиацией* всего и вся. Аббревиатуры послереволюционной эпохи столетней давности, по поводу которых сокрушался Константин Бальмонт («Россия превратилась в РСФСР, а потом обернулась в СССР, где, протестуя манIFESTИруя триумф коммунистической идеи и манифестацией пропагандно гипнотизируя весь комплекс цивилизации, солидаризируются ВЦИК, ЧК, Сорабис, Рабфаки, Центрогук и Комсомол») оказались бледными цветочками в сравнении с сегодняшними неприличностями. В наибольшей степени это почему-то ударило по системе образования. Воспитатели и педагоги дополнительного образования уже ходили на работу в МУДО¹. Сами понимаете, что они должны были называться «мудодками» или «мудистками». Когда вдруг поняли, что такое слово в словаре великорусского языка В.И. Даля уже есть и имеет строго определённый смысл, срочно ещё раз переименовали детские сады в МДОУ², а центры детского творчества в МУДОД³. Учителя теперь ходят на работу в МОУСОШ⁴, где две буквы «О» обозначают по чьему-то недогляду одно и то же. Управленцы ходят на работу в УОМО⁵, где две буквы

¹ МУДО – муниципальное учреждение дошкольного образования, муниципальное учреждение дополнительного образования.

² МДОУ – муниципальное дошкольное образовательное учреждение.

³ МУДОД – муниципальное учреждение дошкольного образования детей.

⁴ МОУСОШ – муниципальное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа.

⁵ УОМО – управление образования муниципального образования.

«О» обозначают совсем разное, хоть и соответствуют одному слову (у филологов называется омонимом). Высший пилотаж аббревиации в образовании – это МУДОФОН (муниципальное учреждение дополнительного образования физкультурно-оздоровительной направленности). Например, МУДОФОН «Центр спорта для детей и юношества» или МУДОФОН «Центр массового спорта».

Результатом этих четырёх интервенций, произошедших почти синхронно, стала резкая примитивизация выразительных средств актуального языка, прежде всего языка молодёжи, всё более напоминающего язык Элочки-людоедки, обогащённый матом и бизнес-терминами.

Однако самой страшной была, наверное, пятая интервенция, связанная не столько с языком как таковым, сколько с *трансформацией самой литературы* и опирающегося на неё кинематографа. Об этом очень хорошо писал В. Ерофеев в предисловии к сборнику «Русские цветы зла»:

«Разрушилась хорошо охранявшаяся в классической литературе стена [...] между агентами жизни и смерти (положительными и отрицательными героями). Каждый может неожиданно и немотивированно стать носителем разрушительного начала; обратное движение затруднено. [...] Красота сменяется выразительными картинами безобразия. Развивается эстетика эпатажа и шока, усиливается интерес к „грязному“ слову, мату как детонатору текста. Новая литература колеблется между „чёрным“ отчаянием и вполне циничным равнодушием. В литературе, некогда пахнувшей полевыми цветами и сеном, возникают новые запахи – это вонь». Всё смердит: смерть, секс, старость, плохая пища, быт. [...] На место психологической прозы приходит патопсихологическая»⁶.

Это очень точный диагноз произошедшего в современной русской литературе и вообще культуре, которая вопреки модным идеям всегда определяется именно литературой, а отнюдь не интернетом и кинематографом, ибо они всегда вторичны по отношению к литературе. Об этом очень правильно и точно пишет У. Эко в своей статье «От Интернета к Гутенбергу». Можно назвать произошедшее *интервенцией зла*, приведшей к чудовищной вещи – инверсии героев. На смену традиционному герою – «хорошему парню», сражающемуся

⁶ Русские цветы зла / Сост. В. Ерофеев. М.: Эксмо, 2001. С. 12–13.

с «плохими парнями» за высокие идеалы, пришёл новый герой – симпатичный негодяй, сражающийся с ещё большими негодяями за деньги и успех. Сказанное, разумеется, схематично, но любое развёрнутое обсуждение упомянутых процессов потребует отдельной книги.

Что делать?

Встаёт вопрос: что делать? Ответ прост и сложен одновременно, какими всегда бывают ответы на простые и глубокие вопросы. Просто нужно нам всем вместе реанимировать глубоко травмированные за последние три десятилетия историю и язык. Преодолеть последствия той страшной войны с историей и языком, которая велась и продолжает вестись до сих пор. Война, которую наиболее ярко стало видно в отблесках «коктейлей Молотова», взрывающихся на братской Украине, но отнюдь не исчерпываемая этими взрывами, а имеющая множество куда более тонких и опасных форм.

И совершенно очевидно, что это та война, которую выигрывает и проигрывает школьный учитель истории, литературы и русского языка. И совершенно очевидно, что эту войну он не сможет выиграть сам по себе. Ему нужно адекватное командование (руководители образования), нужны карты и боеприпасы (учебные планы и учебники), и самое главное, что нужно в любой войне, – народная любовь и поддержка.

В свете сказанного встаёт вопрос о роли структур образовательной политики в решении задач восстановления культурного (литературного) и исторического самосознания молодёжи. Конкретные формы такой работы должны уточняться отдельно, скажем лишь о некоторых самоочевидных общих принципах.

Во-первых, нужно перестать «говорить с молодёжью на её языке», что часто принимает формы заигрывания с молодёжными субкультурами (использование сленговых словечек и выражений, соответствующих смыслов), с молодёжью нужно разговаривать на языке серьёзном, искреннем и по возможности классическом.

Во-вторых, по возможности превращать проводимые с молодёжью мероприятия в со-бытия – в совместное переживание важных вещей и смыслов, требующее серьёзности, искренности и глубокого погружения.

В-третьих, максимально пропагандировать интерес к истории и литературе, в том числе в условиях лагерей, летнего и каникулярного отдыха. Подобная работа, если её вести всерьёз, потребует нестандартных ходов и педагогических решений, разработки специальных акций и форм привлечения молодёжи (конкурсы, игры и другие формы).

В-четвёртых, наряду с учащейся молодёжью выходить на молодёжь рабочую, из вузов идти к учащимся ПТУ и профессиональных лицеев.

И последнее. Главным принципом в работе с молодёжью должна быть искренность, умноженная на любовь.

Будущее у России и мира есть только в том случае, если мир прислушается к русской вести о *смысле и милосердии*. А чтобы это произошло, нам нужно вновь открыть эту весть миру. И заявить о ней очень громко. Это непросто, почти невозможно в нынешних политических и культурных обстоятельствах. *Для этого нужно примирить правых и левых, белых и красных*. Для этого нужно нам всем вспомнить о своих культурных корнях, вспомнить, что не «хлебом единым», Для этого необходимо перед нашими детьми рядом поставить образцы и примеры христианской святости и образцы и примеры советского героизма и подвижничества: *образы стойкости и мужественности* святого Георгия Победоносца и Алексея Маресьева, *образы жертвенности и мученичества* святого Димитрия Солунского и генерала Карбышева, святых Веры, Надежды, Любви и героев Краснодона, *образы служения Отечеству* благоверного князя Александра Невского и маршала Г.К. Жукова, благоверного великого князя Димитрия Донского и Павки Корчагина, *образы самоотдачи и милосердия* великой княгини Елизаветы Фёдоровны, святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и медицинских сестёр Великой Отечественной, *образы тех, кто достиг высот в просвещении*, равноапостольного Николая Японского и А.С. Макаренко.

Для этого нужно очень многое, чего сегодня нет. Сумеет ли мы все сообща это создать и возвестить эту *новую русскую весть*? Вот тот вопрос, который определит то, кем будут наши дети и внуки: подёнными рабочими на американских или китайских заводах (если повезёт) и обитателями социального дна (если не очень повезёт) либо свободными

учёными, инженерами и поэтами свободной и великой страны. Выбор за нами.

Ещё раз прислушаемся к словам Патриарха: «Сегодня нередко слышатся голоса, призывающие принять как некий эталон какой-либо один период нашей истории, одновременно принижая, умаляя и всячески критикуя значение других периодов. Кто-то идеализирует дореволюционное прошлое, не видя в советской эпохе ничего кроме гонений на Церковь и политических репрессий. Другие утверждают, что именно советский период был нашим золотым веком, за пределами которого — лишь социальное неравенство, коррупция и технологическая отсталость.

На самом деле описание прошлого России требует сложной, многоцветной палитры. Чёрно-белой схемы здесь явно недостаточно. Более того, упрощения создают искажённую и разорванную картину истории, распадающейся на отдельные куски, подобно разбитому зеркалу. Нельзя повторять ошибки тех, кто, по меткому выражению Александра Зиновьева, «целился в коммунизм, а попал в Россию»¹.

*Иерей Леонид Костаненко,
студент Екатеринодарской духовной семинарии*

АБХАЗСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОС НА ПОМЕСТНОМ СОБОРЕ В 1917–18 гг.

В 1810 году состоялось присоединение Абхазского княжества к Российской империи, однако, в первой половине XIX столетия, в связи с событиями Кавказской войны 1817–1864 гг., церковная жизнь в Абхазии была «практически парализована»².

В данный период на территории Абхазии действовали всего лишь три православных храма: Успенский собор в Пипунде, одноимённая церковь в селе Лыхны и храм Святого Георгия Победоносца в селе Елыр (Илори), но вскоре и эти центры церковной жизни прекратили своё существование. Попытка исправить ситуацию в период правления императора Николая I не дала результата, и таким образом, Абхазия, последний независимый Католикос которой Максим II

¹ Выступление Патриарха Кирилла на открытии 18-го Всемирного русского народного собора 14 ноября 2014 года.

² *Дорофей (Дбар), иером.* Краткий очерк истории Абхазской Православной Церкви http://apsnyteka.org/1603-dbar_d_kratky_otcherk_istorii_abkhazskoy_pravoslavnoy_tserkvi.html

ПРАВОСЛАВИЕ И НАУКА В XXI ВЕКЕ

МАТЕРИАЛЫ X ВСЕКУБАНСКИХ ЕКАТЕРИННИНСКИХ ЧТЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРАДИЦИЯ»

Главный редактор *Е. В. Сидорова*
Корректор *И. Б. Бородина*
Вёрстка *К. П. Мятчин*

Издательство «Традиция»
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9
Тел.: (861) 277-65-32, 274-08-38
e-mail: id.tradition2006@gmail.com
www.idtrd.ru

*Оригинал-макет подготовлен к печати в соответствии
с материалами, предоставленными составителями сборника.*

Подписано в печать 15.01.2017 г.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура SchoolBook.
Печать цифровая. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 6,63 Тираж 137 экз.
Заказ № 2068.

Отпечатано в типографии издательства «Экоинвест»
350080, г. Краснодар, ул. Тюляева, 4/1
Тел./факс (861) 298-01-07
E-mail: ecoinvest@publishprint.ru
<http://publishprint.ru>